

«Мальчик плохо различал лица»: мир глазами ребенка в рассказе Ф. Горенштейна «Дом с башенкой»

Oleg Lekmanov

Кафедра русского литературоведения
Факультет зарубежной филологии
Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека
Ташкент, Узбекистан
Department of Russian literary criticism
Faculty of Foreign Philology
National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek
Tashkent, Uzbekistan
E-mail: lekmanov@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0784-5930>

Резюме. В статье о рассказе Фридриха Горенштейна «Дом с башенкой» идет речь о разнице между точками зрения главного героя рассказа и автора на окружающий главного героя мир. От начала к концу рассказа мальчик, главный герой рассказа, учится отличать добро от зла и хороших людей от плохих.

Ключевые слова: Фридрих Горенштейн, тема детства в литературе, травма.

“The boy could not distinguish faces”: the world through the eyes of a child in F. Gorenstein’s story *The House with a Turret*

Abstract. The article about Friedrich Gorenstein’s story *The House with a Turret* deals with the difference between the points of view of the protagonist of the story and the author’s point of view on the world surrounding the protagonist. From the beginning to the end of the story, the boy, the main character of the story, learns to distinguish good from evil and good people from bad.

Keywords: Friedrich Gorenstein, the theme of childhood in literature, trauma.

„Berniukas blogai skyrė veidus“: pasaulis vaiko akimis F. Gorenšteino apsakyme „Namas su bokšteliu“

Santrauka. Straipsnyje apie Fridricho Gorenšteino apsakymą „Namas su bokšteliu“ kalbama apie pagrindinio veikėjo ir autoriaus požiūrių į pagrindinį veikėją supantį pasaulį skirtumą. Nuo apsakymo pradžios iki pabaigos berniukas, pagrindinis apsakymo veikėjas, mokosi atskirti gėrį nuo blogio ir gerus žmones nuo blogų.

Reikšminiai žodžiai: Fridrich Gorenštein, vaikystės tema literatūroje, trauma.

Такой прием, как взгляд на деформированную окружающую действительность глазами ребенка, очень часто использовался советскими прозаиками-шестидесятниками, писавшими о войне 1941–1945 гг. с нацизмом. Достаточно вспомнить повесть Владимира Богомолова «Иван» (1957), вольно экранизированную Андреем Тарковским, в 1962 г. громко дебютировавшим фильмом «Иваново детство». У Богомолова (как и у Тарковского) акцент сделан на контрасте между чистотой взгляда ребенка и грязными подробностями войны, между райским миром довоенного детства героя и адской военной действительностью.

Тактика шестидесятников неброско противостояла тактике писателей сталинской эпохи, в чьих ура-патриотических произведениях, например, в повести Валентина Катаева «Сын полка» (1944), дети наравне со взрослыми участвовали в схватках с врагом. При этом психика ребенка в книгах ура-патриотов описывалась как совершенно не затронутая страшными буднями войны.

Подход Фридриха Горенштейна к теме «Взгляд ребенка на окружающий мир во время войны» радикально отличался не только от сервильного подхода прозаиков сталинского времени, но и от «гуманистического» подхода шестидесятников. Горенштейн решительно отказался от идеализации ребенка, интуитивно понимающего суть событий лучше многих взрослых. Напротив, читатель единственного опубликованного в СССР рассказа Фридриха Горенштейна «Дом с башенкой» (Горенштейн, 1964, с. 27–57)¹ должен постоянно обращать внимание на зазоры между объективной действительностью, какой она предстает в рассказе, и восприятием этой действительности мальчиком, главным героем рассказа (глазами которого мы часто смотрим на мир)². У мальчика тяжело болеет, а затем умирает мать, он неопытен и слабо разбирается в жизни. Неудивительно, что и большинство окружающих людей мальчик видит в искаженном свете, о чем ясно говорится уже в первом, ключевом предложении «Дома с башенкой»: «Мальчик плохо различал лица, они были все одинаковы и внушали ему страх». Далее в рассказе ощущения главного героя описаны так: «Мальчик <...> успел привыкнуть к тому, что <...> он остался один среди незнакомых людей».

Соответственно, почти всех «незнакомых людей», изображенных в рассказе, мальчик, и вслед за ним некоторые исследователи, воспринимают как, в лучшем случае, равнодушную, а в худшем – враждебную, агрессивную силу: «Герои рассказа максимально разобщены, они не знают, как наладить контакт друг с другом, с окружающим миром и с собой, о чем свидетельствуют их действия: от движений и реплик до поступков» (Перепелкин, Золотенкова, 2020, с. 90).

Именно неразличение человеческих лиц приводит мальчика к «гоголевскому» взгляду на людей. Если лица не важны, если все они одинаковы, то почему бы не заместить лица олицетворенными предметами одежды, становящимися знаками людей (прием, специально отмеченный несколькими интерпретаторами рассказа)³:

¹ Далее рассказ цитируется по этому изданию.

² Об автобиографической основе этого рассказа см.: (Полянская, 2011, с. 31–35).

³ См.: (Никифорович, 2013, с. 28; Перепелкин, Золотенкова, 2020, с. 90; Гутова, 2020, с. 255).

«Он стал в очередь за какой-то меховой курткой с меховыми пуговицами на хлястике»⁴; «Он стал в очередь за шинелью с подколотым пустым рукавом»; «– Ну-ка, расстегни пальто, – сказал халат и приложил ко лбу мальчика твердую ладонь»; «В толпе его прижали лицом к какому-то кожаному пальто».

Между тем, лица людей, описанных в «Доме с башенкой», отнюдь не одинаковы, хотя мальчик долго этого не замечает – не может и не хочет замечать.

Уже в экспозиции рассказа (мальчик с больной матерью едут в поезде) один из эпизодических персонажей проявляет себя вполне эгоистически, зато другой пытается быть человечным и разъяснить мальчику сложившуюся ситуацию:

Кто-то в темноте сказал:

– Мы задохнемся здесь, как в душегубке. Она все время ходит под себя... В конце концов здесь дети...

Мальчик торопливо вынул варежку и принялся растирать лужу по полу вагона.

– Почему ты упрямишься? – спросил какой-то мужчина. – Твоя мама больна. Ее положат в больницу и вылетат. А в эшелоне она может умереть...

Далее Горенштейн настойчиво и почти навязчиво показывает, как самые разные люди (в том числе и «шинель» с «халатом») пробуют помочь мальчику в его мытарствах. Это с легкостью отметит для себя любой читатель, если только учтет, что действие рассказа разворачивается во время войны и, следовательно, люди ожесточены, задерганы и не склонны не только к сентиментальности, но и к соблюдению правил элементарной вежливости.

Уже в начале «Дома с башенкой» дежурная по станции, с одной стороны, ведет себя не слишком приветливо и даже грубовато, однако, с другой, оказывает мальчику вполне реальную посильную помощь:

– Твои вещи? – спросила женщина в железнодорожной шинели.

– Мои, – ответил мальчик.

– А что в этом узле? – И ткнула ногой грязный, сплющенный узел.

– Мамины фетровые боты, – сказал мальчик, – и два ватных одеяла... И коричневый отрез...

Женщина не стала проверять, взяла узел и чемодан, а мальчик взял другой узел и чемодан, и они пошли к вокзалу.

Сходным образом проявляют себя медсестра в больнице:

Мальчик поднялся по ступенькам, вошел в коридор и наткнулся на женщину в марлевой косынке.

– Ты куда, – сказала женщина и растопырила руки, – ты куда в пальто?.. Ты чего?..

Мальчик нырнул у нее под руками, толкнул стеклянную дверь и сразу увидел мать.

Она лежала на кровати посреди палаты.

– Вот, – сказал он, – вот, вот...

– Что «вот»? – спросила женщина. – Чего «вот»?

⁴ Между прочим, мальчик плохо различает лица еще и потому, что он пока маленького роста, и его взгляд постоянно упирается в предметы, находящиеся на уровне его глаз, например, в «меховые пуговицы на хлястике».

*Но мальчик держался за ручку двери и повторял:
– Вот, ну вот же...
Мать была острижена наголо, и глаза ее, очень темные на желтом лице, смотрели на мальчика. Она была в сознании.
– Сын, – сказала она шепотом.
И тогда мальчик заплакал.
– Ну, тише, – сказала женщина в косынке, – давай сюда пальто и подойди к матери.*

и незнакомый мужчина на почте:

*Почтовые окошки заслоняли чужие спины; куда бы мальчик ни подходил, он всюду натывался на спины.
– Ты чего? – спросил какой-то мужчина. – Чего ты здесь путаешься?
– Мне телеграмму дать, – сказал мальчик и, вспомнив, что никогда в жизни не давал телеграмм, добавил: – Вы мне напишите телеграмму.
– Подожди, – сказал мужчина, – сядь, не путайся под ногами.
Мальчик присел на стул <...> Потом он посмотрел в окно и почувствовал беспокойство: начинало уже темнеть.
– Тетя, – сказал он женщине в платке, – напишите мне телеграмму.
– Какой нетерпеливый! – сказал мужчина. – Ну чего тебе? Какую телеграмму? –
И взял телеграфный бланк.
– Мама заболела, лежит в больнице, – продиктовал мальчик, – дед, приезжай.
Мужчина и женщина посмотрели на мальчика.
– Ох, народ мучается, – вздохнула женщина, – ох, страдает народ...⁵*

Еще до того, как мальчик садится в эшелон, ему помогают или пытаются помочь встретившаяся на пути женщина: «– Где больница? — тихо спросил он. Женщина перестала кричать. – Ты идешь не в ту сторону, – сказала она, – перейди через площадь и садись на автобус», случайный прохожий: «Потом он пошел дальше, и какой-то прохожий показал ему больницу», врач в больнице:

*– Раздевайся, — сказал халат.
– Мне можно остаться? – спросил мальчик.
– Да... Мы вас вместе вылечим и поедете дальше.
– А разве я тоже больной? – спросил мальчик.
– Да, – нетерпеливо ответил халат: его звали в другую палату. – Сестра, положите его на эту койку. – Он показал на свободную койку в другом конце палаты и ушел...*

и все та же больничная медсестра, которая сначала разрешает мальчику остаться в палате матери («– Я повешу твоё пальто в коридоре, – сердито сказала сестра и

---

⁵ Сравните со сходной сочувственной реакцией посетительниц больницы на смерть матери мальчика: «В коридоре были какие-то женщины с сумками, наверно, просто прохожие; как они туда попали, неизвестно. Они смотрели на мальчика, и кто-то спросил:

– В чем дело?

И кто-то сказал:

– Вот у мальчика мать умерла.

И кто-то приложил платок к глазам».

вышла из палаты)), потом кормит его: «– А кушать когда у вас дают? – Вот ты зачем сюда пришел, – сердито сказала сестра. – Ужин уже кончился... Она ушла в глубину палаты и принесла стакан холодного чая и несколько галет. – Бери... Мать не ела...», а после смерти матери выписывает мальчику справку, без которой его не посадили бы в эшелон, причем, когда герой рассказа забывает эту справку забрать, сама сует ее мальчику в карман: «Она долго писала что-то на бумажке с лиловой печатью и спрашивала мальчика его имя и куда он едет. – А в платье мы ее похороним, – сказала она. – Распишись за вещи и деньги пересчитай. Он не стал пересчитывать, расписался и пошел к дверям. Сестра окликнула его и сунула в карман бумажку с лиловой печатью».

Однако мальчик после смерти матери останавливает сочувственный выбор на единственном по-настоящему отвратительном персонаже рассказа, точнее говоря, на персонаже, образующем отвратительную пару в комплекте со своей женой. Характерно, что этот выбор осуществляется не сознанием героя и даже не его инстинктом, а вполне случайным и «метонимическим» способом. Мальчику нравится запах, который исходит от кожаного пальто выбранного им «дяди». При этом «дядя» уже при первом столкновении с мальчиком показывает себя во всей красе:

В толпе его прижали лицом к какому-то кожаному пальто, и пока их мотало вместе, мальчик успел привыкнуть к этому желтому пальто, а запах кожи он всегда любил.

– Дядя, – сказал он, когда их вытолкнули на свободное место, – закомпостируйте мне билет.

Дядя ничего не ответил, лишь мельком взглянул на мальчика, морщась, потирая ушибленный об угол локоть.

– Я уплачу, – сказал мальчик.

– Сопли утри, богач, – сказал дядя.

Он опять кинулся в толпу, а мальчик вспомнил, что вещи остались у женщины в железнодорожной шинели, и пошел ее искать.

Соответственно, выбрав «дядю» себе в новые поводыри, в эшелоне мальчик упорно встает на его сторону, не умея и не желая распознать, кто на самом деле виноват в то и дело вспыхивающих конфликтах «дяди» с окружающими людьми.

Такова сцена с дядей и несчастным, полусумасшедшим стариком (причем мальчик опять реагирует на внешнюю примету – старик смешно взмахивает руками):

...старик продолжал стоять, покачиваясь, часто моргая красными веками, и тогда дядя вскочил, взял его за воротник кофты и толкнул в глубину прохода. Мальчик рассмеялся, потому что старик смешно взмахнул руками, а пенсне его слетело и повисло на инуурочке, и подумал: «Хороший дядя, прогнал старика».

Таков ряд эпизодов, описывающих перманентное противостояние «дяди» и едущего в эшелоне инвалида. Мальчика пугает «плохо выбритое лицо» инвалида, «дышавшее сквозь желтые зубы горячим, остро и неприятно пахнущим воздухом» (еще один внешний признак), и он бросается на помощь «дяде», хотя инвалид от-

стаивает как раз интересы мальчика, требуя вернуть ему вещи, прибранные к рукам алчной «дядиной» женой:

– Гражданин, – сказал дядя уже построже, – освободите место. Здесь едет моя жена и ребенок.

Инвалид медленно поднялся, посмотрел на дядю и вдруг схватил, сжал пальцами дядин нос.

– Барахло назад отдай пацану, – сказал инвалид, – отдай, что взял...

Дядин нос сначала позеленел, потом побелел, и на дядин полувоенный френч потекла тоненькая красная струйка, через весь френч, на галифе и дальше по сапогу. Кудрявая женщина громко закричала, <...>, и мальчик, хоть ему было страшно, тоже крикнул:

– Не трогайте дядю, пустите дядю...

Перелом в сознании мальчика происходит, вероятно, тогда, когда «дядя» бросает его на произвол судьбы, переходя вместе со своей семьей в другой вагон: «Появился дядя и начал, хватать свои чемоданы. Он сказал кудрявой женщине: – Собирайся, я договорился в третьем вагоне. – Дядя, – крикнул мальчик, – подождите! Но дядя даже не посмотрел в его сторону: он очень торопился», а инвалид обращается к пассажирам вагона с прочувствованной речью с просьбой-требованием помочь мальчику добраться до нужной ему станции:

Появился инвалид; лицо, шея и волосы его были мокрыми, и он каждый раз отфыркивался, точно все еще находился под краном.

– Граждане, – сказал он, – отцы и матери, надо довести пацана... Меня пацан, граждане, боится... – Инвалид зубами расстегнул ремешок часов и положил их на столик.

– Довезешь, проводник, папаша? Денег нет... Пропился я, папаша... – Он вытащил из кармана портсигар, вытряхнул прямо на пол остатки капусты и положил портсигар на столик, рядом с часами.

– Вещь... Целый литр давали. – Потом вытащил из кармана зажигалку, складной нож, фонарик, потом подумал, расстегнул бушлат и принялся разматывать теплый, ворсистый шарф.

– Шерсть, – сказал он.

– Да ты что, – сказал проводник и придвинул все лежавшее на столике назад к инвалиду, – ты брось мотать... Довезем, чего там...

А толстая женщина взяла портсигар и сказала:

– Он его все равно пропьет. Лучше уж мальцу еды намять, скоро станция узловая...

Инвалид посмотрел на нее, качнулся и вдруг обхватил единственной рукой за талию и поцеловал в обвисшую щеку.

– Как из винной бочки, – сказала толстая женщина и оттолкнула его, но не обозлилась, а, наоборот, улыбнулась и кокетливо поправила волосы.

Инвалид провел рукавом по глазам, обернулся и подмигнул мальчику.

– Ничего, – сказал он, – ничего, парень, не робей. – И пошел по проходу.

Горенштейн сознательно не описывает реакцию мальчика на все эти события, но именно после только что приведенной сцены главный герой впервые в рассказе

адекватно ведет себя по отношению к внешнему, прежде непонятному для него миру⁶. Среди «одинаковых лиц» он различает одно, особенно несчастное, лицо того самого смешного старика, которого «дядя» «толкнул в глубину прохода». Проснувшись ночью, мальчик видит, как голодный старик крадет кусок хлеба у одной из попутчиц и делится с ним куском пирога⁷:

Старик осторожно распрямился, покачивая головой, и переложил хлеб из ладони в задний карман брюк. Он все время, не мигая, смотрел на мальчика, и мальчик приподнялся на локтях, отломил угол от пирога, оставленного инвалидом, и протянул старику. Старик взял и сразу проглотил. Мальчик снова отломил снизу, где не было повидла, и старик так же быстро взял и проглотил. Мальчик отдал старику по кусочку всю нижнюю часть пирога, а верхнюю, с повидлом и печеными хрустящими колбасками, оставил себе.

Огромная важность этого, безо всякого пафоса описанного поступка, подчеркивается тем, что сразу после того, как он совершен, в рассказе меняется точка зрения на окружающую действительность:

Старик стоял, морща лоб и что-то припоминая, а затем пошел вдоль вагона, мимо хряпящих полок, мимо сляпых, сидя и полулежа, людей, до тамбура, где на узлах тоже лежали какие-то люди.

– Неужели это никогда не кончится? – тихо сказал старик и пошел назад.

Он стоял у полки мальчика и смотрел, как мальчик спит.

Мальчик спал, лежа на распрошеном узле и положив щеку на голенища фетровых женских бот. Рукава его свитера были закатаны, а ботинки расшнурованы.

Если раньше читатель смотрел на мир глазами мальчика, то теперь эстафета передается старику, а мальчик впервые показан со стороны⁸. Очень страшной ценой он усвоил важнейший жизненный урок: не все люди одинаковые, многие из них хорошие, и лишь некоторые плохие. Пытаясь различить хороших и плохих, своих и чужих, не следует доверять внешним приметам (приятный и знакомый запах от кожаного пальто). Страшный инвалид, толстая женщина, грубая медсестра, строгий врач совокупно образуют ту силу добра, которая спасает мальчика от гибели. Каждый из перечисленных персонажей травмирован войной (инвалид в буквальном

⁶ Этому событию, между прочим, предшествует и появление лица у инвалида: «лицо, шея и волосы его были мокрыми» и в финале эпизода: «обернулся и подмигнул мальчику» (подсказано нам Г. П. Михайловой, которой приносим благодарность за внимательное чтение этой статьи).

⁷ Сравните с пронизательным синопсисом в первом печатном отклике на рассказ: «В поезде мальчик <...> столкнется и с жестокостью, и с равнодушием, и с щедростью, и с добротой. Он не всегда умеет распознать их и отличить одно от другого. И все-таки он начнет оттаивать не тогда, когда испытает внимание и доброту, а только тогда, когда ночью в темноте сам почувствует сострадание и отломит голодному старику половину своего пирога» (Берзер, 1965, с. 267). Все-таки отламывание половины пирога стало следствием внимания, доброты, но и предательства, с которыми мальчик столкнулся раньше. Прочитируем также замечание о мальчике в финале рассказа из книги о писателе: «Жизнь взрослых приоткрылась ему, и дороги назад нет. Они по-прежнему сильнее его, но теперь и он может быть опекуном по отношению к еще более слабому» (Никифорович, 2013, с. 30).

⁸ «В финале рассказа меняется фокальный персонаж, им становится голодный старик» (Перепелкин, Золотенкова, 2020, с. 90).

смысле), но это в итоге не мешает им, передавая мальчика по эстафете, поместить его в ту точку, где он оказывается в безопасности.

Поэтому мрачный рассказ «Дом с башенкой» обрывается если не на оптимистической, то, по крайней мере, на обнадеживающей ноте: «Ранним утром кто-то открыл дверь в тамбур, холодный воздух разбудил мальчика, и он еще некоторое время лежал и улыбался...».

Литература

- Берзер, А.С., 1965. Снова война. *Новый мир*, 1, с. 266–267.
- Горенштейн, Ф., 1964. Дом с башенкой. *Юность*, 6, с. 47–57.
- Гутова, К.А., 2020. Образ детского сознания в рассказах В.П. Аксенова «Маленький Кит, лакировщик действительности» и Ф.Н. Горенштейна «Дом с башенкой». *Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Сб. материалов VI (XX) Международной конференции молодых ученых*, 20 / Под ред. Е.О. Третьякова, Томск, с. 254–255.
- Никифорович, Г.В., 2013. *Открытие Горенштейна*. Москва: Время.
- Перепелкин, М.А., Золотенкова, А.А., 2020. «Человек травмированный»: преодоление «травмы» в малой прозе Ф. Горенштейна (на примере рассказа «Дом с башенкой»). *II Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) «Художественный текст проблемы чтения и понимания в современном обществе»*. Стерлитамак, с. 89–91.
- Полянская, М.И., 2011. *Берлинские записки о Фридрихе Горенштейне*. Санкт-Петербург: Деметра.

References

- Berzer, A.S., 1965. Snova voina. [Again war]. In: *Novyi mir*, 1, pp. 266–267.
- Gorenstein, F., 1964. Dom s bashenkoi. [House with a Turret]. In: *Yunost'*, 6, pp. 47–57.
- Gutova, K.A., 2020. Obraz detskogo soznaniya v rasskazakh V.P. Aksenova “Malen’kii Kit, lakirovshchik deistvitel’nosti” i F.N. Gorensteina “Dom s bashenkoi”. [The representation of child consciousness in the stories “The Little Whale, Varnishmen of Reality” by V.P. Aksyonov and “The House with the Tower” by F.N. Gorenstein]. In: E.O. Tretyakov, ed. *Aktual’nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya. Sbornik materialov VI (XX) Mezhdunarodnoi konferentsii molodykh uchenykh*, 20. [Actual problems of linguistics and literary studies. Proceedings of the VI (XX) International Scientific and Practical Conference of Young Scientists, 20]. Tomsk, pp. 254–255.
- Nikiforovich, G.V., 2013. *Otkrytie Gorensteina*. [Gorenstein’s Discovery]. Moscow: Vremya Publ.
- Perpelkin, M.A., Zolotenkova, A.A., 2020. “Chelovek travmirovannyi”: preodolenie “travmy” v proze F. Gorensteina (na primere rasskaza “Dom s bashenkoi”). [“Injured Man”: overcoming “trauma” in F. Gorenstein’s short prose (on the example of the story “The House with a Turret”). In: *II Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (s mezhdunarodnym uchastiem) «Khudozhestvennyi tekst: problemy chteniya i ponimaniya v sovremennom obshchestve»*. [II All-Russian scientific-practical conference (with international participation) “Fiction text: problems of reading and understanding in modern society”]. Sterlitamak, pp. 89–91.
- Polyanskaya, M.I., 2011. *Berlinskije zapiski o Fridrikhe Gorensteine*. [Berlin notes about Fridrich Gorenstein]. St. Petersburg: Demetra Publ.